

*Пожарицкая Е. А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры грамматики английского языка
Одесского национального университета имени И. И. Мечникова*

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ДИФФЕРЕНЦИОНАЛЬНЫЕ МАРКЕРЫ В РЕЧИ ГЕРОЕВ-АНТАГОНИСТОВ В ЗЕРКАЛЕ АВТОРСКИХ КОНЦЕПТОВ ПОЗИТИВНОСТИ/НЕГАТИВНОСТИ

Аннотация. В статье предлагается новый когнитивный подход к синтаксическим структурам в плане экспликации ими национальных этических концептов. Работа выполнена в ключе когнитивной грамматики и изучения механизмов ментально-языковой рефлексии базовых человеческих концептов позитивности и негативности на уровне их объективации в речи. Исследование основывается на анализе речевых партий главных положительного и отрицательного ковбоев американского вестерна. В результате работы обосновывается существование на уровне синтаксиса объективных формальных маркеров в речи героев, которые ассоциируются с авторскими видением положительности или отрицательности, зафиксированном в его/ее картине мира.

Ключевые слова: концепт, положительный герой, отрицательный герой, синтаксическая структура, роман-вестерн.

Постановка проблемы. Антропоцентрический подход к проблемам речи и языка как продуктам социальной и индивидуальной деятельности предполагает расположение личности в фокусе лингвистических исследований. Наличие в целом устойчивых, сравнительно «унифицированных» представлений об окружающей действительности не только как о системе взаимосвязанных объектов и субъектов, но и как о фантомной системе из этических, культурных и психологических концептов открывает новую страницу в филологии и стимулирует интерес к изучению корреляций между ментальностью и речевым продуктом на различных уровнях. Это способствует развитию таких современных направлений, как когнитивная, психо-, гештальт- и менталингвистика и лингвокультурология. Данные утверждения согласуются с теорией концептуальной метафоры Дж. Лакоффа, которая основывается на понимании окружающей действительности обществом и его представителями сквозь призму социальной и индивидуальной системы ценностей и связей, сложившихся в человеческом сознании в процессе онтогенеза [25].

В то же время, проводя глубокий анализ самого явления концептуальной картины мира и задаваясь вопросом о способе и типе лингвальной объективации идеальных, нематериальных концептов, большинство исследователей ограничиваются в основном лексическом уровне языка, оставляя без внимания другие его аспекты. Наиболее распространенными при этом являются исследования лексических составляющих или вербального воплощения концептов в художественном тексте (работы Н. Арутюновой, С. Жаботинской, Т. Радзиевской и др.), а также разработки теоретических обоснований вербализации концептов в лексических единицах. Так, С. Аскольдов указывает на существование концепта для слова [1], а Д. Лихачев приходит к

выводу, что каждому из основных значений слова свойственен свой собственный концепт как таковой. При этом он одновременно отмечает значение личностного и общественного опыта для формирования данных концептов [12]. Е. Падучева рассматривает проблему концептуальной организации речи и языка на более специфическом уровне лексем, уделяя внимание семантической деривации [16].

Однако, как справедливо отмечает Жиль Фоконье (Gilles Fauconnier) в журнале “Scope and Foundations of Cognitive Linguistics”: «Любое из формальных воплощений языка в контексте потенциально может передавать глобальные когнитивные конструкции» [24]. Механизм функционирования ‘внутреннего сознания’ (которое и отвечает, по мнению автора, за формирование ментальных структур, концептов включительно) согласован на всех уровнях языка [24]. На наш взгляд, уровень текста представляется несколько широким для исследуемого феномена, поскольку едва ли можно определить единственный базовый концепт целого текста.

Когнитивная грамматика, изучая механизмы ментально-языковой рефлексии, не касается проблем отображения конкретных смыслообразительных общечеловеческих концептов (Р. Лангакер, С. Коулсон, К. Филлмор). Лингвокультурологические работы в русле той же когнитивной грамматики, в свою очередь, фокусируются на анализе взаимосвязей между синтаксическими феноменами конкретного языка и национальным менталитетом его носителей и, таким образом, затрагивают грамматическую структуру предложений для определения роли культурного и исторического развития с целью формирования определенного грамматического явления (А. Вежицкая, В. Карасик, Е. Листунова, А. Плеханов, В. Савицкий).

Исследования экспликации различных концептов на синтаксическом уровне языка, что логически вытекает из отражения ментальных структур в синтаксических [14], также до сих пор не получили широкого распространения. В то же время, как доказательно показано в исследованиях И. Морозовой, синтаксические структуры национального языка в достаточной степени являются отражением ментальных структур народа [14]. Исходя из изложенного здесь, можно предположить, что и концепты как ментальные образования должны, так или иначе, отражаться на уровне синтаксической организации речи человека.

Отсюда вытекает новизна представленного исследования, направленного на выявление ментально-синтаксических корреляций между авторскими концептами и их лингвальной объективацией на синтаксическом уровне. Актуальность работы объясняется, прежде всего, важностью и общей актуальностью менталингвистических проблем, разрешение которых прольет

свет на речевую кодификацию мыслительных образов, а также мотивируется необходимостью определить возможные способы осуществления авторского речевого влияния на читателя при репрезентации собственной концептуальной картины мира в художественном тексте.

Целью статьи является установление непосредственных корреляций между авторскими концептами позитивности и негативности, отраженными в художественном тексте современных американских романов-вестернов, и синтаксическими структурами в речевой репрезентации героев, которые реализуют данные концепты в произведении. В непосредственные задачи исследования входит конкретизация понятия «вестерн» как литературного жанра, анализ синтаксических структур в речевых партиях героев-антагонистов, установление дифференциальных речевых отличий между репликами главного положительного и отрицательного героев.

Объектом изучения является лингвальная объективация концептов позитивности и негативности личности в художественных произведениях, предметом – синтаксическая организация речи героев, воплощающих данные концепты.

Материалом работы служат 6 000 речевых образцов, отобранных методом сплошной выборки из персонажных партий главных положительного и отрицательного героев современных романов-вестернов (по 3 000 образцов, соответственно).

Изложение основного материала исследования. Концептуальная картина мира автора произведения, так или иначе, находит свое отражение в созданном им тексте. При этом главные положительные и отрицательные герои являются в достаточной степени воплощением авторского видения добра и зла. Автор сознательно или подсознательно выражает свой концептуальный мир через художественный текст и своих персонажей, будучи демиургом создаваемой им квазиреальности. Согласно В. Виноградову, образ автора является сконцентрированным воплощением идеи его произведения [6]. Следовательно, правомочно утверждать также и то, что произведения со схожим идейным содержанием принадлежат авторам со схожим мировосприятием. Говоря же о схожести идей, наблюдающихся в произведениях одного жанра, который заранее диктует тип персонажной организации и внешнего конфликта, как это происходит в жанре «вестерн», можно прийти к закономерному выводу, что картины мира их авторов подобны. Как справедливо утверждает Л. Бутакова, «когнитивный (точнее когнитивно-ментальный) анализ текста сквозь призму категории авторского сознания помогает установить словесные результаты познания, мышления, обнаружить связь вербальных и ментальных компонентов когниции» [5, с. 16]. Можно сделать вывод о наличии в тексте универсальных базовых понятий, которые преднамеренно или непреднамеренно вербализируются автором в произведении. Известно, что концепт представляет собой «оперативную содержательную единицу памяти, ментального лексикона концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике...» [29]. Как утверждает прототипная гипотеза распознавания образов в психолингвистике, «любой стимул можно закодировать в виде прототипа в сочетании с перечнем вариаций, после чего все поступающие стимулы можно сопоставлять с прототипами, а не с эталонами» [10, с. 60]. Значит, нравственные воззрения авторов вестернов, а значит, и присущие им, воплощенные в художественных произведениях морально-этические концепты (в особенности в параметрах универсальных категорий «до-

бро» – «зло») будут весьма близкими, как, по сути, и содержание данных концептов.

Материалом для исследования служат романы в жанре «вестерн», которые, как известно, строятся на конфликте героя и антигероя. Формулой вестерна, по мнению большинства критиков, является «столкновение добра и зла» [21], воплощенных в героях-антагонистах. «Картина мира формируется и закрепляется в языке, как и художественная картина мира, т. е. структура реальности, проявляющаяся в художественном образе. ... Картина мира ... моделирует не столько знания о реальности, сколько систему ценностных ориентаций» [18, с. 261]. Отсюда каждому литературному произведению (любого жанра) характерна определенная система ценностных ориентаций, в основе которых лежат базовые этические концепты позитивности и негативности моральных качеств и моделей поведения. Т. Борисова прямо указывает на то, что «моральный концепт романа приключенческого жанра – идея победы добра над злом – реализуется через своеобразную художественно-этическую оппозицию...» [4, с. 5].

Из вышеизложенного логически следует, что в жанре вестерна, принадлежащем к более широкой группе приключенческих романов, стереотипные, стандартизированные персонажи являются носителями концептов позитивности и негативности. Вместе с тем относительная примитивность сюжета, героя и антигероя не умаляет «стандартности и формульности» [22, с. 182], универсальности пропагандируемых в вестернах ценностей, поскольку «в вестерне неизменные перестрелки и решающая дуэль «доброты» и «злого» протагонистов ... есть осуществление первобытной справедливости в мире» [22, с. 169]. «Вневременность» и «универсальность» концепта личностной позитивности выражается в вестерне, где «сама концепция личной чести основывается на соблюдении кодекса общественной морали» [22, с. 170]. Зародившись в литературе конца XIX века, вестерн перешагнул литературные границы, завоевал также киноискусство (не теряя популярности на протяжении всего XX века), гиперпространство компьютерных игр и даже обзавелся рядом пародий («спагетти-вестерны»).

О психологическом влиянии вестернов на читателей, ассоциирующих себя с положительным героем-воплощением концепта позитивности, говорят американские психологи Ф. Эмери и Д. Мартин [23, с. 26].

В популярной интернет-энциклопедии утверждается, что в вестернах «персонажи могут восприниматься как литературные потомки средневековых странствующих рыцарей, которые стояли у истоков развития приключенческого жанра» [29]. Как странствующий рыцарь в европейской литературе раннего периода, который путешествовал со своим конем от города к городу, сражаясь со злодеями разнообразных мастей, ковбой или стрелок на Диком Западе опирается не на развитые социальные механизмы, а на собственный кодекс чести.

Изучая средства создания образа стереотипного персонажа (далее – СП) приключенческой прозы, Т. Борисова приходит к следующему выводу: «Представление об образе СП сводится к нескольким характерологическим деталям, внешним и этическим признакам, которые выражаются эксплицитными языковыми средствами, мелиоративная или пейоративная оценочность которых характеризует СП как Антагониста или Героя и позволяет нести дополнительную информацию за счет особой семантической и эмоциональной нагрузки единиц, составляющих портретное описание» [4, с. 12].

Исходя из того, что «характер героя лучше всего раскрывается в речи: диалоге и монологе» [21], в нашем исследовании считаем необходимым изучение речевого аспекта выражения позитивности и негативности героев.

Заметим, что вслед за М. Блохом [3, с. 99], А. Корсаковым, И. Морозовой [15], Г. Почепцовым и др. к простым предложениям мы относим таковые, что обладают одной первичной структурой предикации либо одной непредикатной (в плане подлежащно-сказуемого ядра) конструкцией [15, с. 30]; к сложным – характеризующиеся наличием двух или более первичных структур предикации; к осложненным – предложения, в которых, помимо одной первичной структуры предикации, есть одна или более вторичных структур предикации (т. е. предложения с грамматическими инфинитивными/герундиальными/партиципальными комплексами, распространенными обращениями либо цепочкой однородных членов). По коммуникативной направленности различаем декларативы (повествовательные предложения), интеррогативы (вопросительные предложения) и императивы (побудительные предложения) (такую же классификацию предложений находим у М. Блоха [3]; В. Гака [7, с. 65]; А. Смирницкого [19, с. 260]; Р. Зандворта [27, с. 205]; Р. Лонга [26, с. 64] и др.).

Анализ речевых партий главных героев-антагонистов в вестерне с точки зрения их поверхностной структуры и цели высказывания позволил установить существенные различия в построении высказываний «хорошего» и «плохого» ковбоев (см. рис. 1).

Для большей иллюстративности тоновым затемнением выделены основные дифференциальные типы синтаксических

конструкций в речи героев, воплощающих в романе авторские концепты позитивности и негативности.

ПРИМЕРЫ К РИСУНКУ 1

1.1.1. *You took his advice on this trail, not mine* (L. L'Amour) – обладая одним подлежащно-сказуемым ядром, предложение является простым.

1.1.2. *He (Tom) is a good man, and he knows what he wants, but he hasn't force enough to make it stick* (B. Haning) – наличие нескольких первичных структур предикации (*He (Tom) is a man; he knows; he wants; he hasn't*) позволяет классифицировать предложение как сложное.

1.1.3. *Stack your duds and grease your skids, coyote!* – *Rock said. -It's knuckle and skull now, and free-fighting!* (C. Thomps) – однородные сказуемые в первом предложении (*Stack and grease*) и предикативы во втором (*knuckle and skull and free-fighting*) детерминируют их как осложненные предложения.

1.2.1. *Nobody takes this route* (B. Dennison) – представленное предложение сообщает информацию, а значит, является декларативом.

1.2.2. *He hurt bad?* – *he (Hyks) asked softly* (C. Thomps) – подчеркнутый интеррогатив запрашивает информацию о состоянии здоровья друга Хикса.

1.2.3. *"Partner", said the soft voice of Barry, "stand aside. I got no time, I'm wanted!"* (M. Brand) – императив выражает приказ собеседнику Барри отойти в сторону и не мешать ему.

2.1.1. *He said sullenly. "You've hunted me an' found me. Where do you go from here, Eli?"* (B. Haning) – данный интеррогатив представляет собой простое предложение, поскольку обладает лишь одной первичной структурой предикации (*you go*).

Рис. 1. Структурно-синтаксические дифференциальные маркеры героев-антагонистов в вестерне

2.1.2. *The giant (Mac) explained carefully: "I mean, they's a friend of mine that's been sittin' in that chair"* (M. Brand) – Мак употребляет сложноподчиненное предложение с тремя первичными структурами предикации (*I mean; they's a friend; that's been sittin'*).

2.1.3. *Morgan broke the long silence. "Come on out, yuh little yellow-bellied filthy bastard and skunk," he shouted.* (L. L'Amour) – в предложении приведено распространенное обращение, что делает его осложненным (*yuh little yellow-bellied filthy bastard and skunk*).

2.2.1. *Mac Strann stretched out his hand on the surface of the table. He said: "I got an idea you better get out of that chair"* (M. Brand) – приведенное предложение произнесено отрицательным героем с целью информирования его собеседника и является декларативом.

2.2.2. *"If a man of yours is dead, I think it would be a good idea if these friends of yours back-trailed you. Now get moving, all of you!"* (L. L'Amour) – подчеркнутый императив побуждает людей двигаться в путь.

2.2.3. *"Why not?" Harper was saying. "You all want homes. Can you find a more beautiful country than this?"* (L'Amour L.) – в обоих случаях подчеркнутые предложения являются интеррогативами, при чем первый представляет собой эллиптированный специальный вопрос, а второй – неэллиптированный общий.

Установлено, что оба типа главных героев используют в своей речи все синтаксические типы предложений, вместе с тем частотность использования в речи тех или иных конструкций в персонажных партиях героев-антагонистов неодинакова.

Так, речь героя, которого и его автор-создатель, и читатели воспринимают как воплощение концепта позитивности, отличается четкостью синтаксического построения с преобладанием в ней простых (65,2%) и относительно коротких предложений (7–8 словоформ в высказывании, обычно менее 4 высказываний в реплике). Отметим, что большинство реплик положительного ковбоя структурно законченные и прозрачные для восприятия. Частотность использования им сложных конструкций, по сравнению с речевой партией отрицательного героя, существенно снижена (21,4%). Таким образом, можно заключить, что информационное сообщение главного положительного героя построено на принципах структурной простоты и ясности передаваемой информации.

В речи героя-антагониста наблюдается количественное возрастание сложных предложений (38,1%), что способствует торможению восприятия информации и общему «запутыванию» собеседника. Из психологии известно, что «процесс восприятия речи осуществляется при взаимодействии таких трех психологических феноменов, как внимание, память и распознавание образов» [11, с. 16], а синтаксически сложные построения, объединяющие в себе два и более процессов, сложнее зафиксировать в кратковременной памяти, а значит, безошибочно и полностью декодировать. Согласно наблюдениям современных психолингвистов, «наша память ограничена числом элементов или символов, которые нужно освоить, а не объемом информации, заключенной в этих символах...» [13, с. 32], а значит, и герой, воплощающий в себе концепт негативности, интуитивно или специально старается завуалировать и усложнить точное понимание смысла своего сообщения. Данную гипотезу подтверждают исследования М. Гохлернера и Г. Ейгер [8], а также В. Ингве [9],

утверждающих, что сложность предложения для восприятия определяется не столько его длиной, сколько глубиной структуры.

Частотность употребления декларативов и осложненных предложений не выявляет существенную разницу в коммуникативном поведении героев-антагонистов и отличается в пределах 2–3%. Данный факт, с нашей точки зрения, объясняется повышенной эмотивностью речи в романах-вестернах, с одной стороны, и не свойственной повседневной речи простых людей (которыми являются ковбои) тенденции к конструкциям с глубинными предикативными структурами.

Отметим, что сопоставление реплик положительного и отрицательного героев с позиций коммуникативной направленности высказывания выявило явные расхождения в употреблении императивных и интеррогативных конструкций.

Герой, воплощающий собой в романе авторский концепт позитивности, не боится ответственности и берет инициативу в свои руки, не просто рассказывая о чем-либо, а выступая руководителем в сложных ситуациях. Удельный вес императивных предложений в его речи 23,4%. Данный факт свидетельствует об объективации на синтаксическом уровне честности и открытости высказываний «хорошего» ковбоя. Носитель концепта позитивности редко задает вопросы (11,7%), не ставя себя в зависимое положение.

В речи антагониста количество императивов заметно снижено (12,1%), что указывает на его нежелание явно доминировать над собеседниками и открыто манипулировать ими. «Плохой» ковбой предпочитает окольный путь декларативных конструкций с интенциональной направленностью желательности, что говорит о скрытости истинных целей высказываний такого типа говорящего. При этом общий удельный вес реплик отрицательного героя в романе значительно больше такового у положительного героя. Носитель авторского концепта негативности имеет тенденцию к первичной инициации коммуникации и открыто стремится быть коммуникативным лидером. Антагонист предпочитает вопросительные конструкции (20,6%), лично сомневаясь в собственной правоте и стремясь к постоянному контролю над ситуацией за счет выяснения положения дел.

Очевидно, что установленные синтаксические дифференциальные отличия в речевых характеристиках героев-носителей морально-этических концептов позитивности и негативности отражают авторское видение добра и зла в самом широком понимании данных категорий. «Когда автор творил, он переживал только своего героя и в его образ вложил все свое принципиально творческое отношение к нему» [2, с. 74]. Так, синтаксические структуры речи говорящего, отражающие ментальность на уровне внутреннего сознания слушателя, воспринимаются как такие, которые несут информацию о говорящем и способствуют восприятию последнего как положительной или, наоборот, отрицательной личности.

Выводы. Проведенное исследование показывает, что уже формально-синтаксические характеристики высказывания способствуют распознаванию типа личности говорящего путем маркирования его речи, что предоставляет возможность детерминации этического комплекса индивида и определения личности как носителя концепта позитивности/негативности, т. е. наличия или отсутствия у нее универсальных нравственных и моральных ценностей.

Література:

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: [антология]. – М., 1997. – С. 276–379.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений / М.М. Бахтин. – М.: Русские словари, 2003. – Т. 1. – 2003. – С. 69–263.
3. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2000. – 159 с.
4. Борисова Т.С. Лінгвостилістичні засоби створення образу стереотипного персонажа (на матеріалі англомовної пригодницької прози XIX–XX ст.): автореф. дис. ... канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Т.С. Борисова; Одес. нац. ун-т ім. І.І. Мечникова. – О., 2002. – 20 с.
5. Бутакова Л.О. Авторское сознание как базовая категория текста: Когнитивный аспект: автореф. дисс. ... докт. филол. наук / Л.О. Бутакова. – Омск: 2001. – 40 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной прозы / В.В. Виноградов. – М.: Просвещение, 1980. – 355 с.
7. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / В.Г. Гак. – М.: Высшая школа, 1981. – 207 с.
8. Гохлернер М.М. Психологический механизм чувства языка / М.М. Гохлернер, Г.В. Эйгер // Вопросы психологии. – 1983. – № 4. – С. 137–142.
9. Ингве В. Гипотеза глубины / В. Ингве // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. – Вып. 4. – С. 126–138.
10. Клацки Р. Память человека: структуры и процессы / Р. Клацки. – М.: Наука, 1978. – 216 с.
11. Кулиш Л.Ю. Психолінгвістическі аспекти восприятия устной речи (зависимость восприятия от речевых характеристик говорящего): автореф. дисс. ... докт. филол. наук: спец. 10.02.19 «Общее языкознание» / Л.Ю. Кулиш. – К., 1987. – 42 с.
12. Лихачев Д.С. Письма о добром / Д.С. Лихачев. – СПб: Logos, 2006. – 372 с.
13. Миллер Дж. Информация и память / Дж. Миллер // Восприятие. Механизмы и модели. – М.: Мир, 1974. – С. 28–36.
14. Морозова И.Б. Типологічний ізоморфізм простого речення у світлі гештальт-теорії (на матеріалі англійської мови) / І.Б. Морозова // Семантика слова, речення та тексту. – К.: Київський національний університет ім. Т. Шевченка, 2002. – № 8. – С. 225–228.
15. Морозова И.Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові: [монографія] / І.Б. Морозова. – Одеса: Друкарський дім, 2009. – 384 с.
16. Падучева Е.В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем / Е.В. Падучева // Русский язык сегодня: сборник памяти Д.Н. Шмелева. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 395–417.
17. Пожарицкая Е.А. Художественная картина мира как продукт авторского и читательского взаимодействия / Е. А. Пожарицкая // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика»: зб. наук. праць. – Херсон: ХДУ, 2013. – Вип. XX. – С. 199–204.
18. Рыбальченко Т.Л. Поиск картины мира в современной прозе / Т.Л. Рыбальченко // Картина мира: модели, методы, концепты / под общ. ред. проф. З.И. Резановой. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 261–266.
19. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Либроком, 2009. – 288 с.
20. Шестаков В.П. Мифология XX века: Критика теории и практики буржуазной «массовой культуры» / В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1988. – 224 с.
21. Boling Fredrick Writing the West / F. Boling [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://www.fredrickboling.com/westernwriting.html>.
22. Cawelty J.G. Adventure, Mystery and Romance: Formula Stories as Art and Popular Culture / J. G. Cawelty. – Chicago, 1976. – 378 p.
23. Emery F. Psychological Effects of “Western Film”: A Study in Television Viewing / F. Emery, D. Martin; University of Melbourne, Dpt of Audio-Visual Aids, Studies in Mass Communications. – Melbourne, 1997. – 47 p.
24. Fauconnier Gilles Introduction to Methods and Generalizations. To appear. Methods and Generalizations / Gilles Fauconnier // Scope and Foundations of Cognitive Linguistics / [ed. by T. Janssen and G. Redeker]. – The Hague: Mouton De Gruyter, 2000. – [Electronic resource]. – Access mode: http://cogweb.ucla.edu/Abstracts/Fauconnier_99.html.
25. Lakoff G. Conceptual Metaphor in Everyday Language / G. Lakoff, M. Johnson // Journal of Philosophy. – 1980. – Vol. 77. – N. 8. – P. 460–472.
26. Long R. Sentence and Its Parts: A Grammar of Contemporary English / R. Long. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 534 p.
27. Zandvoort R. A Handbook of English Grammar / R. Zandvoort. – London: Longman, 1975. – 367 p.
28. Википедия. Свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/вестерн>.
29. Краткий словарь когнитивных терминов / [Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина]; под. общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

Пожарицька О. О. Синтаксичні диференційні маркери в мовленні головних героїв-антагоністів у дзеркалі авторських концептів позитивності/негативності

Анотація. У статті пропонується новий когнітивний підхід до синтаксичних структур у плані експлікації ними національних етичних концептів. Робота виконана в ключі когнітивної граматики й вивчення механізмів ментально-мовної рефлексії базових людських концептів позитивності й негативності на рівні їхньої об'єктивізації в мовленні. Дослідження ґрунтується на аналізі мовленнєвих партій головних позитивного та негативного ковбоїв американського вестерну. У результаті роботи обґрунтовується існування на рівні синтаксису об'єктивних формальних маркерів у мовленні героїв, які асоціюються з авторським баченням позитивності або негативності, зафіксованим у його/її картині світу.

Ключові слова: концепт, позитивний герой, негативний герой, синтаксична структура, роман-вестерн.

Pozharytska O. Syntactic differentiating markers in the speech of antagonistic main characters in the mirror of the author's concepts of the positive/the negative

Summary. The presented article suggests a new cognitive approach to syntactic structures as to possible explicators of national ethical concepts. The work is carried out in the course of cognitive grammar and studies mechanisms of mental-and-language reflecting basic human concepts of the positive and the negative as they are objectivised in speech. The research is based on the analysis of the main positive and the main negative cowboys' speech parties in the American western novels. The carried out investigation closes with a conclusion about there existing objective formal markers in the characters' speech manifested on the level of syntax. They point to the character's correlation with the author's understanding of the positive and the negative in his/her conceptual world picture.

Key words: concept, positive character, negative character, syntactic structure, western novel.